

В.П.Желиховская

Видение в кристалле

Когда я в 1890 году была в Лондоне, то часто встречалась в одном знакомом доме с богатым американцем, большим путешественником и лингвистом, к удивлению моему хорошо знавшим русскую литературу и если не говорившим особенно бегло, зато прекрасно понимавшим наш язык. Он удивил меня еще более знанием русских обычаев, суеверий, гаданий. На мое изумление по этому поводу он засмеялся и возразил:

– У меня хорошая память, а два тома русских сказаний Сахарова¹ – моя настольная книга²... И знаете ли, когда я жил в Индии, – я четыре года провел на Ганге и за Гангом, – я занимался сравнением ваших поверий и гаданий с древними индусскими верованиями и, право же, нашел много схожего. Между прочим, знаете ли, что индусские девушки тоже в зеркало, или все равно –

Рассказ публикуется по газете: Новое время, 1893, №6404, 25 декабря.

Публикация текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

О подробностях публикации рассказа в «Новом времени» можно узнать из двух писем В.П.Желиховской к редактору-издателю газеты А.С.Суворину.

Декабрь 1893 г.: «Посылаю на Ваше усмотрение два рассказа – Рождественский и Новогодний, или вообще *святочные*. Они совершенно различны: “Видение в кристалле” имеет значение сбывшегося на деле факта. Другой – моя фантазия.

Очень буду рада, если Вы возьмете оба, – ведь у Вас масса места, и приложения воскресные, и ежемесячные книги... Значит, если и из этих *ни один* не попадет в Новое Время или другие Ваши издания, – я пойму, что Вы окончательно, *лично* со мной, не желаете иметь дела...

Это меня весьма опечалит!

Об одном прошу: прислать назад скорее, если моя догадка справедлива; хотелось бы еще успеть их, все же, в эти святки устроить» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 1399).

26 декабря 1893 г.: «Вот что называется – первый блин – комом! Если, как я теперь уверена, этим мне сказано, что второго раза имени моего на столбцах “Нов[ого] Врем[ени]” помещать не желают, то как глубоко я сожалею, многоуважаемый Алексей Сергеевич, что мне просто не были отосланы обе рукописи!.. Вы, разумеется, тут лично ни при чем, – как, надеюсь, и Виктор Петрович: я думаю, что если б Вы или он нашли нужным сократить мой рассказ, то – или бы предложили мне самой это сделать, или сами сделали бы это осторожно и обдуманно, – так, чтоб не лишиться его смысла!.. Но мне оттого, что не Вы сами это сделали, – не легче!

Вот и сказался *понедельник*, которому Вы не верили!..

Я не думала, что Вы поместите рассказ ранее Нов[ого] Года; но вчера трое из навестивших нас знакомых один за другим осведомлялись о *непонятном* рассказе моем.

Один даже прямо сказал (М.А.Толстой): “Средина рассказа очевидно пропущена, потому что *пожар является без всякой последовательности*; а далее *говорится о “пестрых снах”, которые в нем не описаны*... И в начале обещается видение (Питри), – о котором далее – ни слова!..”

Тогда я взялась за Нов[ое] Время и воочию убедилась, что он прав; что рассказ безжалостно искажен: выпущена и причина страха, и бегство Лиринга, и его желание знать, *как он умрет*, и нежелание Гуру, чтоб он узнавал свое будущее, а потому его старание отвлечь мысли его красивыми видениями...

Словом, рассказ совершенно лишен осмысливавшей его идеи и всякого значения.

За что же Ваша газета меня выставила читателям бездарной, непоследовательной, – нелогичной или неумелой рассказчицей?!

Я теперь совершенно убеждена, что меня в Новом Времени не хотят; но зачем же это показывать в ущерб не одной мне, но и вашей газете?

Отослали бы просто рукопись, и я поняла бы и, разумеется, более никогда бы Вашей Редакции не беспокоила.

Не знаю, поверите ли Вы, но уверяю Вас, что факт этот в его отвлеченном смысле, то есть как полное ко мне неуважение первого органа русской печати, огорчил меня гораздо более, чем собственно искажение рассказа.

Сделайте милость, прикажите отослать мне рукопись, чтобы я могла, хоть для своих, восстановить ее смысл...

Неужели *понедельнику* суждено иметь и на издание моих рассказов такое же чересчур неожиданно-печальное влияние?!

Это было бы уж совсем горестно!

Желаю Вам счастливого Нового года» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 1399).

Буренин Виктор Петрович (1841–1926) – театральный и литературный критик, публицист, поэт-сатирик, драматург, сотрудник газеты «Новое время».

¹ Иван Петрович Сахаров (1807–1863) – этнограф-фольклорист, археолог, палеограф, писатель.

² Речь идет о книге И.П.Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (1837).

в воду или стекло, смотря, гадая о суженом. Мало этого, их поверье говорит, что лучшее время для гаданий – час перехода старого года в новый!..

По этому поводу поднялись расспросы и общий разговор, под шумок которого мистер Л-инг сказал мне, смеясь:

– Я знаю, что вы любите *такие* особенные происшествия, которым не все верят. Хотите, я вам дам прочесть и даже подарю одну маленькую рукопись о том, как я раз вздумал «гадать» (он это слово сказал по-русски) под Новый год, живя возле Дарджеллинга³, и что из этого вышло.

Я отвечала, что буду очень рада, и спросила:

– А рассказать об этом в России можно?

Он подумал и отвечал:

– Рассказывайте, кому хотите, устно, но напечатать это даю вам право только после моей смерти. Иначе меня у вас засмеют, когда я приеду в Петербург. А я непременно думаю у вас еще погостить.

Исполняя его желание, я молчала и только теперь решилась предать гласности его рукопись, потому что м-р Л-инг, к сожалению, погиб в Чикаго в одной из многих печальных катастроф, ознаменовавших мировое столпотворение нынешнего года⁴. Вот она.

Смолоду я был большой мечтатель. Катался по земному шару не с одной лишь научной целью или ради удовольствия, а с тайной надеждой одолеть некоторые тайны космические и силы природы, мало кому ведомые. В Индии я решил употребить все средства, чтоб познакомиться с искусством факиров, а по возможности, проникнуть в более отвлеченные и сокровенные таинства знаний радж-йогов, высших знатоков ок[к]ультизма. С этой целью я избегал модных центров, стараясь внутри страны найти учителя, действительно ученого, а не шарлатана, каких там много. Мне посчастливилось напасть на такого. Мое основательное знание санскритского языка помогло теоретическим занятиям нашим идти быстро, и наступал уже срок, назначенный моим гуру (учителем) для начала практических опытов, когда вдруг в конце декабря он сильно заболел. Я навещал его, опасность миновала, но болезнь была из тех, которые требуют долгого выздоровления и предосторожностей.

Я очень скучал без моего наставника, но решил исполнить его просьбу – ничего не предпринимать нового без него.

В один вечер ко мне прибежал юноша с запиской. Я прочел в ней следующее: «Не пугайтесь, молодой друг мой, если я буду в отсутствии дней семь, а может быть и более. Чтоб мое тело скорее поправилось, я решился дать ему хороший физический и духовный отдых. *Я уйду*. Оставлю его на время отдохнуть в летаргии. Ждите меня через неделю. Дхарма Састри».

Я тотчас последовал за мальчиком в их бенглоу⁵, плетенный из тростника шалаш, осененный пальмами, где он жил с этим юношей, подобранным им в лесу. Туда его, вероятно, снесла на гибель грешная мать, а гуру его вырастил и готовился из него сделать такого же мудреца, каким был сам... И нашел наставника недвижимым и бездыханным... По-видимому, на ложе покоилось его безжизненное тело; но я, зная, что значило выражение его: «Я на время *уйду*», не испугался, тем более что воспитанник его казался совершенно спокойным, уверяя, что это явление не впервые случается с Дхарма Састри, что после такого «отсутствия» он всегда становится бодрее и здоровее. Надо сказать, что на вид мой гуру был человек лет сорока, но местные старики меня уверяли, что не помнили его другим, что он гораздо старше их. Это был скромный, тихий человек, худой и небольшого роста, совсем обыкновенной наружности, только резко очерченный подбородок и сильно выдававшийся лоб изобличали в нем силу воли и способность глубоко мыслить, сосредотачиваясь на одном предмете или желании. Я видел в нем еще одну

³ Дарджилинга (англ. Darjeeling).

⁴ В Чикаго в 1893 г. проходила Всемирная выставка.

⁵ бунгало (англ. bungalow).

замечательную черту: по-моему, глаза его меняли не только выражение, но и цвет... Но другие этого не замечали.

Итак, я оставил его в трансе, уверенный, что не увижу его оживления ранее недели. Прощаясь, я спросил мальчика, не боится ли он оставаться один с бесчувственным и недвижимым учителем в лесу, где много змей и диких зверей, а, пожалуй, и недобрых людей. Мальчик уверенно покачал головой, возразив, что недобрых людей для них нет – гуру все любят, не только люди, но и звери; а от всякого зла хранят их «добрые силы – Питри⁶».

Я слышал об этом поверье и оставил их успокоенный.

Прошло дня три. Я занимался, навещал «спавшего» учителя, но сильно скучал и с нетерпением ждал, чтоб он очнулся... В один вечер я засиделся за чтением; пробило одиннадцать ударов, и вдруг я вспомнил, что сегодня везде празднуют канун Нового года... «Многие в России, да, пожалуй, и здесь гадают! – пришло мне на мысль. – Ну-ка и я, от нечего делать, посмотрю в кристалл!» Вздумано – сделано.

Я вынул из стола свое «магическое зеркало», приобретенное мною еще в Нью-Йорке; уставил его перед собою между двумя свечками так, чтобы в нем ничто не отражалось, и стал пристально смотреть в его выпуклый, гладкий кружок... Сначала он представлялся мне просто черным пятном. Потом по его черной поверхности начали пробегать какие-то тени, полосы, колонны, и вдруг выяснились великолепные развалины чудного храма на фоне тропического леса.

«Точно ли я это вижу?.. Уж не заснул ли я?» – подумалось мне. Я решил было ущипнуть себя за руку, чтоб удостовериться, что я не задремал, как вдруг между моим взором и стеклом легла маленькая бронзовая, хорошо мне знакомая рука...

Я радостно вскочил: предо мной стоял Дхарма Састри, улыбаясь и качая головой в своем белом тюрбане.

– Нехорошо! Ослушник! – говорил он. – Я ведь просил без меня не заниматься опытами ок[к]ультизма!

– Какой же это ок[к]ультизм? – оправдывался я между восклицаниями радости по поводу его выздоровления. – Простая шутка от безделья!.. Так вы проснулись ранее, чем предполагали?

– Да, я поправился, – сказал он просто. – Но вы напрасно называете бездельной шуткой *вопрошение кристалла*. От этого древнего храма, который начинал пред вами выясняться, нескромное американское стекло ваше могло перейти к предметам, которых вам лучше *поверхностно* не касаться, если вы точно намерены ими заняться серьезно и последовательно... Пойдемте лучше прогуляйтесь! Ночь хороша. Если желаете, я покажу вам в действительности развалины, заинтересовавшие вас в этом стекле.

Я радостно согласился, удивившись, что не знал о существовании поблизости такого интересного места.

Мы вышли в ярко-волшебную ночь, сияющую, как прозрачный жемчуг, усеянный бриллиантовой пылью. Темней всего был купол небесный, с высоты которого изливалось на все красоты земные сияние разноцветных светил, горевших в темно-синей его глубине. Мы очень скоро достигли величественной колоннады на опушке леса, казавшегося издали сотканным из черного и серебряного кружева. Один из резных порталов здания был особенно ярко залит светом луны, а из таинственной глубины его эффектно мигало, то вспыхивая, то потухая, багровое пламя, будто бы там, внутри храма, разложен был костер или курился жертвенник...

⁶ «Питри (санскр.). Предки или создатели человечества. Всего они делятся на семь классов, три из которых бестелесные, *аруна*, и четыре обладают телом. В народной теологии говорится, что они были сотворены из бока Браммы. Их генеалогия представлена по-разному, но в эзотерической философии они таковы, как показано в “Тайной Доктрине”. В “Разоблаченной Изиде” о них сказано: “Обычно полагают, что этот индусский термин обозначает духов наших предков, развоплощенных людей, отсюда довод некоторых спиритуалистов, что факиры (и йоги) и другие восточные чудотворцы суть *медиумы*. Это ошибочно более чем с одной стороны. Питри не являются предками ныне живущих людей, но предками человеческого рода, или адамических рас; духами человеческих рас, которые на великой лестнице нисходящей эволюции *предшествовали нашим человеческим расам*, и которые *физически, также как и духовно, были намного выше* наших современных пигмеев. В “Манав Дхарма Шастре” они названы *Лунными Предками*”. “Тайная Доктрина” теперь объяснила то, что было осторожно дано в более ранних теософских трудах» (Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1998. С. 314).

Индус указал мне на какой-то гранитный обломок, поросший лианами и папоротником, и мерными шагами направился было к храму, но вдруг обернулся и сказал:

– Вы спрашивали три дня тому назад, – я слышал ваш вопрос, – кто бережет меня от змей и тигров?.. Вы увидите одного из тех, которые многих охраняют от диких зверей: один из них живет неподалеку и часто сюда приходит... Только, прошу вас, помните, что двигаться одному с этого места, – что бы ни случилось, – для вас опасно!

Он продолжал свой путь и исчез под колоннадой храма.

Я ждал и дожидаться не мог появления гуру! Глаза мои устали, так напряженно, до боли, до слез, смотрел я в таинственную мглу за колоннадой... Почему-то она, и тишь, меня окружавшая, и неподвижность, и мое одиночество – меня начинали страшить... На меня опускалась какая-то тяжесть, какое-то недоумение и ожидание, невыносимо мучительные!.. Я начинал терять представление о действительности, сознание окружавшего меня расплывалось в чувстве неизвестности, тоски, ужасающего страха. Надо бежать! Уйти отсюда, подумал я, но вспомнил, что сказал мне Дхарма Састри, и остановился...

Пред моими глазами открылась панорама громадного города. Я видел его a vol d'oiseau⁷ и узнал в нем, несомненно, один из наших больших американских городов. Он показался мне украшенным, увеличенным какими-то увеселительными зданиями... Он весь сиял и пестрел праздничными огнями, украшениями, флагами, движением и суетой. Толпы народа стремились в одном направлении, и я последовал за ними в самый центр праздничного оживления среди красивых, громадных зданий. Я силился понять, что это именно за город, где я?.. Вдруг я увидел огромное пламя!.. Что-то горело! Все бежали в ту сторону, на пожар, и я там очутился. Я сразу увидел ужасное зрелище: предо мной несколько человек бегали в пламени, ища спасения, выхода из какого-то высокого здания, охваченного огнем, и среди этих людей я узнал самого себя...

Это зрелище меня крайне неприятно удивило. Я, разумеется, бросился самому себе на помощь в убеждении, что мне ничего нет легче, как поднять себя или свой двойник, метавшийся там, внизу в огне, до безопасных высот, с которых сам я смотрел на пожар; но чуть прикоснувшись к тому, другому себе, я вдруг увидел, что не я его уношу вверх, а, напротив, он меня увлекает вниз, в огонь...

С громом провалился под нами пол, и мы стремглав полетели в разверзшуюся под нами огненную бездну...

Я закричал, как полоумный, во всю силу своих легких, убежденный, что горю...

– Саиб⁸! Саиб!.. Что с вами? Отчего вы так ужасно кричите?

«А!.. Наконец-то пришел за мною Дхарма Састри!» – пронеслась в мозгу моем сознательная мысль, и я с трудом пошевелился.

– Ну, благодарение небу, вы вернулись!.. Мне тут без вас снились такие сны! – с великим усилием промолвил я.

– Как? Разве вы спали?.. Когда вы закричали, я вбежал и нашел вас сидящим перед стеклом, совершенно прямо, с открытыми глазами... Вы смотрели прямо в это стекло! – услышал я недоуменный голос совсем не своего ученого индуса.

Я обвел глазами все окружающее, стараясь отрезвиться, и с изумлением сообразил, что я сижу у стола в своей комнате перед «магическим кристаллом», а предо мной стоит мой бенгалец, слуга, привезенный мной из Калькутты.

– А Дхарма Састри? – спросил я. – Где он?

– Не знаю... Верно, в своем бенглоу. Саиб говорил ведь, что он болен...

– Да он сейчас был здесь! – закричал я. – Я пойду к нему, спрошу его, что это значит?

Я говорил сам с собой, будто бредя. Бенгалец мой, очевидно, испуганный моим возбужденным состоянием, несмело заметил:

– Куда же саиб ночью пойдет? Не лучше ли дожидаться утра?

Я вынул часы и посмотрел... Было пять минут первого... А я сел смотреть в кристалл без десяти минут в полночь. Значит, со всем моим бодрствованием, когда еще не приходил Дхарма

⁷ с высоты птичьего полета (*фр.*)

⁸ Сагиб (саиб, сахиб) – вежливое название европейца в колониальной Индии, а также форма обращения к нему.

Састри (я был убежден, что он приходил!), и со всем переполохом моего пробуждения прошло едва четверть часа?.. Собственно, проспал я и видел все эти цветистые сны в продолжение каких-нибудь пяти минут, если не менее...

А сколько картин! Сколько ощущений!.. Подлинно, годы могли порой совместиться в одном мгновении!

Я отослал слугу, лег и проспал до утра непробудно.

Едва проснувшись, я наскоро оделся, позавтракал и побежал к Дхарма Састри. Я был совершенно уверен, что он посетил меня, застал за контрабандным занятием и навел на меня магнетический сон, в котором я увидел нашу прогулку и все последующее.

Я издали увидел его воспитанника, сидевшего на ступеньках бенглоу пригорюнившись. Он, видимо, мне обрадовался, встал и пошел мне навстречу.

– Ну что, – спросил я, – твой хозяин здоров?

– Ничего! – ответил он. – Спокоен... Вот жду: дня через два, надеюсь, проснется... Так скучно одному, пока его нет!

Я только посмотрел на мальчика, но ничего не возразил, а вошел в хижину гуру.

Он лежал на прежнем месте неподвижен и по-прежнему совершенно бесчувствен.

Я долго смотрел в недоумении и молча ушел, попросив юношу сейчас дать мне знать, когда он очнется. Трудно было мне убедиться, что и приход его был простой сон!

Очнулся Дхарма Састри после того на третий день и сам пришел ко мне бодрый и веселый.

Первый мой вопрос был:

– Вы ли это?.. Или опять ваш двойник?..

– Нет, на сей раз я сам, в собственном теле, – отвечал он. – Можете пожать мне руку – shake hands⁹.

Я так и сделал, встряхнув ее покрепче, и собирался спросить, что это было со мной? когда он сказал, не ожидая вопроса, хитро мне подмигнув:

– А вы без меня наколбродили?.. Судьбу вопрошали?.. Не хорошо!.. Вот вас бхуты (кикиморы)¹⁰ и напугали! И позабавились над вами... Да и нашим занятиям такое нарушение дисциплины может повредить.

Я только воззрелся на него вопросительно.

– Так вы-таки знаете?.. Вы были у меня?

– Был, волей своей и мыслью и желанием оградить вас от... того, что вы видели... Зачем вам было добиваться сокровенного, – с улыбкой договорил Дхарма Састри, – и не приснился бы вам ваш тревожный сон!

– Так вы все знаете? – спросил я. – В таком случае скажите: как понять мне мое видение? Неужели это ответ на желание мое узнать, какую смертью я умру?

Мой гуру нахмурил густые брови, и глаза его потемнели, как черная пучина.

– Вы знаете, сэр, – сказал он, – что я противник всяких предсказаний и никому не советую вопрошать будущее. Займитесь лучше делом, и постарайтесь забыть ваше бесцельное волхвование!

Так кончается рукопись мистера Л-инга.

Во всей этой истории, разумеется, самое замечательное то, что он действительно погиб во время одного из нескольких сот пожаров этим летом в Чикаго.

⁹ пожать руку (англ.).

¹⁰ Бхуты – в индийской мифологии демонические создания, навевающие на людей страх.